

На выход с вещанием

На общество наплывает волна страха. Прокуратура распространяет страх среди чиновничье-олигархической верхушки. Пал Аксененко, подписку о невыезде подписал Шеремет, топор занесен над «самим» Волошиным. Самое страшное - это, конечно, неизвестность. Смотря относительно недавно на Аксененко по телевидению, мы могли заметить, что он просто ничего не понимает. Что его и впрямь привлекают за финансовые злоупотребления, ему, конечно, в голову не приходит. Кто же тогда стоит за всем этим? Сам Путин (тогда - конец) или скорее Степашин? И за что его? За то, что он чуть не стал премьером и мог бы даже стать президентом, за то, что «слишком много о себе понимал», где-то что-то сказал неосторожно? И что будет дальше? Просто отставка, или все-таки - арест? Этого не знает никто. Но все понимают, что если пал Аксененко, которого хотел отстоять сам премьер, пасть может любой. И дело не просто в «одноразовой» замене старой ельцинской гвардии обезумевшими от преданности президенту питерцами. Ясно, что со сменой элиты возникает и качественно новая степень зависимости этой элиты от верховной власти и завтра, «если будет надо», на месте Аксененко может оказаться и кто-нибудь из самих питерцев. Арбитражный суд также распространяет волну страха, закрыв все-таки ТВ6 и продемонстрировав, что если решено тебя уничтожить, не поможет ничто - ни адвокаты, ни зарубежные покровители, ни «жалкая» апелляция Киселева к «национальным интересам». Несколько иначе волны страха посылает ФСБ, арестовывая и добиваясь осуждения за шпионаж журналистов и ученых. Опять-таки, мало кто думает, что Пасько и Данилов и впрямь осуждены за то, что передавали Южной Корее и Японии секретные материалы. Но все ученые и журналисты, общающимся с иностранцами, теперь понимают, что надо быть осторожней (но как осторожней - не ясно, ибо очевидно, что если захотят - все равно осудят).

Откуда же эта волна страха? Ведь и при Ельцине были внезапные падения и даже аресты крупных чиновников. Но особого страха не было. Что произошло при переходе от первого президента ко второму? Прежде всего, если при Ельцине и у самой власти, и у общества было ощущение (в основном - иллюзорное), что власть нуждается в общественной поддержке и зависима от нее, то теперь произошло осознание ее абсолютной «безальтернативности» и, соответственно, - независимости от общества. Но безальтернативность, несменяемость и независимость власти - это почти ее всеисилие. Конечно, если президент начнет делать что-то совсем уж немыслимое (предпримет тотальную проверку всех актов приватизации, начнет проводить какую-нибудь авантюристическую внешнюю политику и т.д.), границы его власти обозначатся. Но в рамках «нормальных» человеческих желаний носитель верховной власти, которого нельзя сменить, - всеисилен. Ему даже не надо давать указания - ему надо только намекнуть, что он плохо относится к такому-то чиновнику, или олигарху, или телеканалу - и все бросятся травить жертву. И так же всеисильны становятся (пока они угодны верховному властителю и в соответствующих рамках) все его назначенцы. Безальтернативному президенту стоит только намекнуть об общенациональном телеканале, а губернатору, избрание которого он организовал, стоит только намекнуть о местном телеканале - и результат будет тот же. Человек - носитель всеисильной власти - не может не вызывать страх, который не способен породить самый жестокий, но четкий, формально определенный закон (если, например, за строго определенные оскорбления президента полагалось бы четвертование, просто не надо этих оскорблений наносить, и можно ничего не бояться). И страх этот даже не зависит от того, жестокий этот человек или добрый. Он возникает просто потому, что ты - полностью в руках другого человека, полностью зависишь от его неизвестных тебе и меняющихся мыслей и чувств. («Добрейший человек - встретил мальчика и по головке его

погладил, а ведь мог бы и зарезать»). Правитель - обычный человек. Но мысли, настроения, симпатии и антипатии обычного человека, если он при этом всемогущ, становятся страшной иррациональной силой.

Всемирие президентской власти, конечно, закамуфлировано. В XXI веке (да и XX-м) просто «честный» абсолютизм невозможен. Но наша система дала ему в руки прекрасное средство одновременно и сокрытия, и реализации своего всемогущества. Это парадоксальное средство - закон.

Сложившейся у нас с 1991 года социально-политической системе одинаково имманентны и неправовой характер, и демократически правовое прикрытие. Неправовой характер - не «несовершенство» нашей системы, которая и возникла в серии абсолютно неправовых актов (Беловежские соглашения, переворот 1993 года, более чем сомнительный референдум по Конституции, приватизация и т.д.), а имманентен ей, ее суть.

Фантастическая ситуация, при которой, допустим, в 1996 году Зюганов мог бы привлечь к суду Ельцина за незаконное расходование средств на избирательную кампанию и добиться его осуждения и признания выборов недействительными - это просто принципиально иная организация общества, иная система общественных отношений. Но даже советская власть не могла обойтись без законов и формальных выборов. Тем более это невозможно в нашу эпоху. Поэтому вся наша система построена на противоречиях формальных законов и реальной жизни, нежизненности законов и беззаконности жизни. Важнейшим следствием такого противоречия является то, что у нас не просто некоторые нечестные, а практически все предприниматели, чиновники, политики, вообще все граждане - преступники. Все какие-то законы нарушали и нарушают, ибо сами законы таковы, что не нарушать их нельзя. Но это значит, что у власти в руках оказывается оружие немыслимой силы - она может вполне законно ликвидировать любую компанию, разорить любого собственника, посадить кого угодно в тюрьму. Надо только устроить какую-нибудь проверку - хоть Счетной палаты, хоть пожарной инспекции, и если поискать - обязательно что-нибудь найдется. И апеллировать не к чему - действительно закон нарушался. В ситуации всеобщего беззакония совершается «диалектический переход противоположностей» - закон превращается из средства ограничения произвола власти в орудие этого произвола. Это власть по-настоящему осознала и стала систематически использовать только при Путине, и теперь это начинает осознавать и, соответственно, начинает дрожать все общество.

Такое использование закона в целях произвола и одновременно - прикрытие им произвола даже усиливает иррациональный «кафкианский» ужас перед властью. Если бы, например, ТВ6 было просто объявлено, что президент его закрывает, потому что такова его воля и он не обязан ничего объяснять, это было бы, наверное, для журналистов даже легче, чем теперешняя ситуация. Все все понимают, но людям свойственно хвататься за соломинку и тешить себя надеждой, что вдруг и впрямь дело в «Лукойле» и в Арбитражном суде, и если, например, попросить жен и детей лукойловского руководства и судей заступиться, все обойдется. Закон продлевает муки обреченных. А правитель, говоря, что мы живем в правовом государстве и поэтому он не может вмешиваться в судебную сферу, может даже испытывать особое наслаждение, как он может испытывать его, сначала следя за процессом осуждения Пасько, а потом предлагая ему попросить помилование.

Все усиливающийся страх - закономерный элемент нашей системы, и одновременно это - расплата нашей элиты (и общества в целом) за все, учиненное с 1991 года. Наверняка со временем элита начнет думать, что бы такое придумать, чтобы освободиться от страха. Но, очевидно, для этого страха надо чуть больше и он должен длиться дольше. Все еще только начинается.